

ЗАГАДКЕ ПОЛТОРА ВЕКА

● КАКОЙ ДОРОГОЙ ПОЕХАЛ А. С. ПУШКИН ИЗ УРАЛЬСКА В БОЛДИНО!

В Симбирске А. С. Пушкина ждало письмо от жены, Наталии Николаевны, единственное за все время его пути в сторону Оренбурга. На письмо он ответил из Языкова: «...Еще не на месте и ничего не писал. И сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться».

Из Симбирска Пушкин ехал быстро, шестьсот верст в трое суток с небольшим.

Лето 1833 года было замечательным и Пушкин отмечает, что «дорога прескучная, погода холодная», и если он писал Наталии Николаевне из Языкова 12 сентября: «К вечеру отправляюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия», то в Оренбурге, наверное, не без влияния В. А. Перовского и В. И. Деля, он решил, что, пока погода благоприятствует, можно еще поспешить новые места, где произошли главные события эпохи... «поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память исторической критикою», и в своем оренбургском письме от 19 сентября 1833 года Пушкин пишет жене: «Завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дни три, — и отправлюсь в деревню через Саратов и Пензу». Одновременно сообщает, что «уж чувствую, что дурь на меня находит, — и я уже в коляске сочиняю, что же будет в постеле». Не рождался ли в дороге между Симбирском и Оренбургом «Медный всадник», обгоняющий Пугачева?

В Уральске Пушкина, поэта, историка, гостя военного губернатора степного края, уральские казаки встретили весьма гостеприимно, и не только званые обеды, взаимообогащающие беседы, осмотр уральской старины, особенно времен Пугачевского бунта, прогулки по берегам Урала и Чагана, но замечает Пушкин, они «наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду...»

Наступило время выезда из Уральска, и вдруг «при выезде моем (23 сентября)

вечером пошел дождь, первый при моем выезде... и через полчаса сделал дорогу непроходимой. Того мало: выпал снег, и я обновил зимний путь, проехав верст 50 на санях...»

Какой же дорогой добраться до Болдина? Как же нам, пушкинским краеведам последних десятилетий XX века, прийти к верному утверждению: какой же дорогой отважился поехать великий поэт на творческое горение ума, сердца и души? Какой? Как и где найти ответ на этот несправедливый вопрос?

В своей книге «Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал» в главе VIII «Из Уральска в Болдино» казанский пушкинист Ю. Л. Славянский говорит: «На этот вопрос до сих пор нет какого-либо одного, общепринятого ответа пушкинистов-биографов и краеведов. Мы к сожалению, не располагаем никакими прямыми или косвенными указаниями (ни самого Пушкина, ни его современников, ни секретных, ни официальных документов) на маршрут, каким проехал поэт из Уральска в Болдино, возвращаясь из своей «восточной» поездки. Волей-неволей приходится прибегать к различным, более или менее правдоподобным предположениям на сей счет, основываясь на показаниях маршрутных карт того времени, на арифметических расчетах (принимая во внимание и общую протяженность пути от Уральска до Болдина, и число дней на поездку, и продолжительность осенних дней, и скорость передвижения) и на соображении здравого смысла. Кроме этого, нельзя забывать, что все предположения насчет маршрутов поэта должны учитывать и один неоспоримый факт: Пушкин очень спешил в Болдино, чтобы засесть там за обработку материалов, собранных им.»

Все это верно, но верно и то, что как ни спешил Пушкин, (это одна из основных причин), но учитывая благоприятные условия погоды, поэт поборол в себе желание приехать в дерев-

ню как можно скорее. Он решил продолжать свое путешествие и не только к яицким казакам в Уральск, но и дальше — в Саратов и Пензу. Но внезапный уральский метеорологический взрыв сорвал планы А. С. Пушкина.

Наверное, сразу же гостеприимные хозяева приняли участие в обсуждении «нужды», в которой оказалась отъезжающий путешественник. Казаки не оставили его без своих советов и предложений. Наверное, Пушкин сразу же отбросил вариант своего решения поехать на Саратов и Пензу, откуда нагрянула осенняя непогода, да и возвращение в Болдино через Оренбург было отвергнуто, это упиралось в «версты и время». Оставались еще и другие «проселочные» направления и дороги, это на Сызрань, на Самару и на Бузулук.

Какой же из них надо было отдать предпочтение?

Ехать на Сызрань, — во-первых, дожди исходили с Приволжской возвышенности, что на правой стороне Волги, где находится город Сызрань, и во-вторых, проселочная дорога длиной 293 версты пролегла через земли Николаевского уезда Саратовской губернии, а затем Самарского уезда Симбирского наместничества, на них власть администрации Уральского казачьего войска не распространялась. Наверное, по этой причине могла быть отклонена поездка и в сторону Самары, оставался последний вариант — ехать несколько на северо-восток, на более по климату континентальный Бузулук, находящийся в 187 верстах, дорога казакам во все времена года знакомая, в Бузулук на базарные дни и на летнюю Петровскую и на осеннюю Покровскую ярмарки из Уральска, станиц и уездов отправлялись обозы с товарами, и главное, дорога проходила по Оренбургскому краю, контролируемая администрацией Оренбургского военного губернатора. К тому немаловажное свидетельство, четыре

года спустя по этой же дороге совершил поездку добрый друг и наставник А. С. Пушкина Василий Андреевич Жуковский, вот что он записал в дорожном дневнике: «17 июня переезд из Уральска в Бузулук. Ехал в коляске с Перовским... Дорога прекрасная. Дождь. Холодный день».

Так вот Пушкин, надо думать, без сопровождения казаков отпущен не был, во всяком случае, в пределах Уральского казачьего войска, а может быть, и до самого Бузулука.

Вероятно, на первых десятках верст от Уральска, в каком-нибудь умете, их накормили и оставили на ночлег, а на рассвете 24 сентября 1833 года снова в путь и уже поздно ночью, с 24 на 25 сентября, Пушкин прибыл в ночной Бузулук, немного отдохнул, и снова, на рассвете, но уже по почтовому тракту, поехал на Самару.

И снова загадка, снова гипотеза — не в этот ли раз, на обратном пути, не доезжая 20 верст до Самары, поэт был вынужден задержаться, ведь дорога позади была нелегкой, и, возможно, коляска требовала осмотра и ремонта. Может быть, на этот раз была вынужденная остановка в Смышляевке, в которой почтовой станции не было, и в дорожной тетради поэт занес свои прежние впечатления — отголоски истории, связанные с Пугачевским восстанием, и также услышанную им, долго считавшуюся загадкой запись: «Оцюш, Кайбас, бог», только недавно она была более правдоподобно разгадана, а также и заставившее Пушкина задуматься название селения Смышляевка.

И только 26 сентября очень рано выехал Пушкин к переправе через Волгу.

Бузулукский вариант возвращения А. С. Пушкина из Уральска в Болдино удлинял дорогу не больше, чем на 60 верст, и возник он на почве соображения здравого смысла.

П. ФИЛАТОВ,
действительный член географического общества СССР, краевед-пушкинист.